

АНТОНЕЦ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Доктор филологических наук, доцент кафедры классической филологии,
Филологический факультет, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
evantonetz@yandex.ru

Истина МГУ: <https://istina.msu.ru/profile/Antonetz1970/>

Рецензия на: *Старостин Д. Н. От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 488 с.*

EKATERINA ANTONETS

Doctor of Science (Philology), Associate Professor of Department of Classical
Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
evantonetz@yandex.ru

Istina MSU: <https://istina.msu.ru/profile/Antonetz1970/>

Review on: *Starostin D. N. From Late Antiquity to the Early Middle Ages: Structures of Power and Their Representations in the Frankish Kingdom in the Merovingian Era (5th – 8th cc.) М.; SPb.: Nestor-Istoria, 2017. 488 s.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ /
FOR CITATION

Антонец Е. В. Рецензия на: *Старостин Д. Н. От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 488 с. // Vox medii aevi. 2018. Vol. 2(3). С. 212–225. URL: <http://voxmediiavei.com/2018-2-antonets>*

Рецензия на: Старостин Д. Н. От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 488 с.

Современная историческая наука справедливо стремится отказаться от термина «темные века», употребившегося по отношению к периоду с 476 г. до второй половины VIII в. Конечно, в это время великая культура античности неуклонно уходила в прошлое, уступая место цивилизации, которая в культурном плане стояла гораздо ниже ее. Но зато эпоха V–VIII вв. стала интереснейшим феноменом в истории Европы — ведь тогда закладывались основы новой политической, религиозной, культурной, правовой систем, которые в значительной степени строились на фундаменте римских традиций. Исчезая с политической карты, Рим по отношению к варварским королевствам повторил судьбу некогда завоеванной им Греции, замечательно охарактеризованную Горацием: *Graecia capta ferum victorem cepit* («захваченная Греция пленила дикого победителя») (Hor. ep. II 1, 156).

Многие аспекты истории Европы V–VIII вв. до сих пор являются предметом дискуссий среди ученых. Сам момент перехода от поздней античности к раннему средневековью определяется по-разному и, возможно, может быть определен лишь условно потому, что совершался постепенно.

Особое место в новом миропорядке заняло королевство франков, которые с начала V в. стали активно вторгаться на территорию римского диоцеза Галлия, постепенно расширяя границы своих владений. Франкам удалось не только

сформировать свое обширное государство, но и создать династию королей, ставших одним из символов новой власти.

Система власти во франкском королевстве при династии Меровингов является основной темой книги Д. Н. Старостина «От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.)», вышедшей в 2017 г. Автор книги ставит задачу, с одной стороны, максимально полно реконструировать реальную картину состояния властных структур в королевстве Меровингов, а с другой стороны, изучить отношение писателей-современников к событиям, происходившим на их глазах или на памяти их поколения, и рассмотреть, как видели и как оценивали изменения системы управления люди, жившие в то время.

Трудности изучения правления Меровингов объясняются главным образом тем, что от этой эпохи сохранилось крайне мало источников. Из исторических сочинений, созданных в VI — первой половине VIII в., до нас дошли только «История франков» Григория Турского (написана во второй половине VI в.), «Хроники» Фредегара (написаны в середине VII в. и излагают события первой половины VII в.)¹, *Liber historiae Francorum* (хроника, написанная в 710–730 гг. и наиболее значимая в описании событий второй половины VII — первой трети VIII в.) и так называемые «Продолжения Фредегара» (написаны после 751 г., излагают события с конца VII в. до восшествия на престол Карла Великого в 768 г.).

К историческим сочинениям и хроникам добавляются жития святых, а также различные документы меровингской эпохи, прежде всего — протоколы заседаний королевского суда (относящиеся к 653–715 гг.). Все три указанные группы источников составляют базу исследования Д. Н. Старостина; их дополняет широкий спектр сочинений позднеантичных и византийских авторов.

В силу скудости источников современный исследователь вынужден смотреть на события эпохи Меровингов глазами

1. Хроники Фредегара / пер. с лат., комм., вступ. статья Г. А. Шмидта. СПб.; М., 2015. С. 7–47.

историков V–VIII вв., которые не всегда могут быть объективны. Поэтому задача отделить исторический факт от восприятия этого факта писателем или хронистом и извлечь информацию о функционировании администрации франкского королевства из житийной литературы и документов, поставленная Д. Н. Старостиным, представляется чрезвычайно важной и актуальной.

Исследование начинается с изучения системы управления провинциями в эпоху поздней античности (глава 1, с. 32–102). В Галлии задолго до падения Западной империи происходил процесс регионализации, которая выражалась в том, что власть все в большей степени сосредотачивалась в руках правителей провинций, а знать чувствовала независимость от центральной власти. Условия для этого процесса отчасти создавались римскими военачальниками («Галльская империя» 260–274 гг.) и императорами (установленный Диоклетианом режим тетрархий (293–313 гг.); перенесение Константином столицы в Константинополь в 330 г.; разделение империи Феодосием Великим в 395 г.).

Начиная со второй половины IV в. в Галлии начинает складываться особый тип власти, становление которого отражено Аммианом Марцеллином в противостоянии Юлиана (как цезаря Галлии, присоединившего к своим военным полномочиям в Галлии гражданскую власть) и Констанция (как августа). Впоследствии внутреннее единство Галлии проявилось в битве при Каталаунских полях в 451 г., когда римский военачальник Аэций объединил силы римских легионов, галло-римского населения и вестготов против нашествия гуннов.

Сплочению населения Галлии и регионализации сознания способствовало распространение в Галлии христианства, которое уже во II–III вв. приобретало в ней особые черты. В Галлии впервые возникает противодействие манихейству и гностицизму (Ириней Лионский), осуществляются первые попытки борьбы с ересями в IV в. (Иларий Пиктавийский), складывается свой

пантеон святых. Аскетическая жизнь и чудеса Мартина Турского, а также его литературный образ (значительно отличавшийся от исторического святого), созданный Сульпицием Севером в «Житии св. Мартина», немало способствовали массовому обращению в христианство галло-римской знати в конце IV — начале V в., что стало основой религиозной культуры Галлии.

Состояние Церкви в Галлии IV в. описано в «Хронике» Сульпиция Севера, для которого главная опасность ересей заключается не столько в их доктринальной неверности, сколько в раздорах, разногласиях и смятении, которые они приносят, нарушая единство Церкви и паствы.

Показав, что в поздней античности как светская, так и церковная администрация Галлии приобрела региональные черты и в значительной степени обособилась от центральной власти, Д. Н. Старостин переходит к изучению процесса формирования системы власти в королевстве франков (глава 2, с. 103–323).

Уже в IV в. Римская империя тесно взаимодействовала с варварскими королевствами, складывающимися у ее границ. Об этом свидетельствует, например, договор императора Юлиана с франками 359 г. и варваризация римской армии и ее командного состава. Важным фактором, создавшим внутри империи опору для новых политических структур, было образование «генеральских государств», в частности, так называемого «Суассонского королевства»² римского генерала Эгидия, наместника провинций Бельгика Первая и Бельгика Вторая. На основании анализа сообщений Григория Турского и археологических данных Д. Н. Старостин высказывает предположение, что Хильдерик (440–481/482), отец Хлодвига и первый король франков, был представителем военной элиты (обладавших, по-видимому, статусом федератов) и получил власть от Эгидия (с. 155–156). Таким образом формировался новый тип правителя, роль которого заключалась в том, чтобы быть посредником между римской провинцией и варварским королевством.

2. Суассонская область в середине V в. оказалась полностью изолированной от империи, потому что окрестные территории были захвачены германцами. В 460–470 гг. анклавом управлял Эгидий, имевший, по-видимому, начальство не только над римскими, но и над варварскими войсками. В союзе с франками Хильдерика Эгидий разбил вестготов в 463 г. и воевал с саксами в 464 г. После смерти Эгидия римский правитель области Сиагрий (сын Эгидия) успешно отражал нашествия германцев, но в 486 г. был разбит Хлодвигом, королем франков. На месте римской провинции было образовано варварское «Суассонское королевство» Хлодвига (в будущем — Нейстрия).

Для лучшего понимания процесса возникновения «Суассонского королевства» Д. Н. Старостин привлекает к исследованию «Историю готских войн» Прокопия Кесарийского (ок. 500 — ок. 554), сопоставляя сведения, приводимые Прокопием, с сообщениями Григория Турского.

«История» Григория Турского является главным источником истории франков в VI в. Этот труд, объединивший в себе традиции классической римской анналистики и церковной истории, весьма тенденциозен и отражает историческую концепцию его автора. Григорий Турский, воплощая мироощущение христианина поздней античности, видит в событиях VI в. продолжение истории римской Галлии, в которой меровингские короли заняли место правителей, а опорой их власти выступают епископы (т.е. представители галло-римской знати, к которой принадлежал и сам Григорий).

Этногенез франков Григория не интересует, а главным аспектом созданного Григорием образа Хлодвига (481/482–511) является его крещение в никейском вероисповедании. Одной из важнейших побед Хлодвига для Григория, по-видимому, была победа над Аларихом II и вестготами-арианами при Вуйе в 506/507 г., ознаменовавшая победу католицизма над арианством. Эти два события, возможно, стали для Григория Турского началом новой истории католической франкской Галлии. Как полагает Д. Н. Старостин, Григорий Турский представляет первым королем франков именно Хлодвига (а не Хильдерика). Образ насильственного захвата власти Хлодвигом, созданный Григорием Турским, по всей видимости, значительно драматизирует реальную ситуацию и служит выражением собственных взглядов Григория Турского. Исторической аналогией образа Хлодвига у Григория Турского является первый христианский император Константин Великий.

Сопоставлению Хлодвига и Константина, проводимому Григорием Турским, посвящен отдельный параграф книги (с. 216–251), отражающий результаты исследований Д. Н. Старостина,

опубликованных в 2012 г. (Византийский временник) и в 2017 г. (Вестник ТГУ). В этом параграфе изучаются две версии крещения Константина: версия о крещении императора папой Сильвестром и версия о крещении его арианином Евсевием Никомедийским. В связи с этим тщательному анализу подвергается история текста и рукописная традиция «Жития папы Сильвестра», а также решается вопрос о том, какую именно редакцию «Жития» имел в своем распоряжении Григорий Турский.

Дальнейшее исследование посвящено тому, как поддерживалась власть наследниками Хлодвига и как формировалась династия Меровингов. Д. Н. Старостин предлагает с осторожностью относиться к термину «династия», когда речь идет о ближайших потомках Хлодвига, потому что почти весь VI в. королевство существовало в раздробленном состоянии (о чем говорят разделы 511, 561 и 587 гг.), которое сопровождалось борьбой за власть между отдельными родственными группами, стремившимися к уничтожению родственников-соперников, а принцип наследования не был установлен.

Примером служит противостояние внуков Хлодвига Хильперика (561–584) и Сигиберта I (ок. 535 — ок. 575), убитого по приказу жены Хильперика Фредегонды. Собственно династия начинает складываться в конце VI — начале VII в. из младшей (Суассонской) ветви, которая сначала стала Нейстрийской династией, а затем общефранкской³.

Как показывает Д. Н. Старостин, Григорий Турский, бывший очевидцем правления сыновей и внуков Хлодвига, осознавал различие судьбы Австразии и Нейстрии, и отразил это в своей «Истории», но не увидел успешного формирования нейстрийской династии королей, представляя Хлодвига не создателем нового строя, а восстановителем позднеантичного религиозного миропорядка, в котором основная роль в управлении принадлежит епископам.

Во второй период правления Меровингов (VII–VIII вв.) меняется как структура королевства (к началу VII в. оформились

3. Имеется в виду ветвь потомков Хильперика (его сына Хлотаря II (584–629), внука Дагоберта I (623–639) и правнука Хлодвига II (639–657)), которая смогла объединить всю Галлию под своей властью, а затем ветвь потомков короля Нейстрии Хлодвига II (его сыновей Хлотаря III (657–673), Хильдерика II (662–675) и Теодериха III (673–691)), в правление которых были объединены Нейстрия и Австразия и достигнута стабильность в королевстве.

границы Нейстрии, Австразии и Бургундии), так и взгляды на власть. Так, в «Хрониках» Фредегара, единственном нарративном источнике по периоду первой половины VII в., происхождение королевства франков представлено иначе, чем у Григория Турского. Для Фредегара государство франков — политическое образование внутри Римской империи, в котором расселились франкские роды и в котором со временем власть перешла к одному из этих родов — Меровингам. Автор «Книги истории франков», описывающей события второй половины VII — первой трети VIII в., уже видит франков не как представителей правящего рода, а как этническую группу, в которой королевская династия — единственная инстанция власти.

Одной из важнейших составляющих системы власти была Церковь, поэтому в книге Д. Н. Старостина отдельное внимание уделяется взаимоотношению церковной и светской власти во франкском королевстве (глава 3, с. 324–382). В VII–VIII вв. широко распространилось монашество. Важный материал о роли монастырей в структуре власти дают жития святых («Жития Колумбана», «Жития св. Балтхильды», «Житие Леодегара», житие Эдуэна Руанского, житие Элигия Нойонского и др.), которые внимательно исследуются Д. Н. Старостиным.

Единого принципа взаимодействия королевской власти с церковной иерархией и местной знатью в меровингскую эпоху еще не было, и когда речь шла об использовании ресурсов монастырей, королевская власть вынуждена была находить компромиссы с магнатами, епископами и монашескими общинами с учетом местных особенностей. Тесной связи между королевским домом и монастырями, по-видимому, не было. Особое место среди монастырей занимает Сен-Дени, истории которого посвящен отдельный параграф книги Д. Н. Старостина.

Право короля на судебную власть, составляющее третий компонент власти, было ограниченным в меровингскую эпоху и воспроизводило роль императоров времен поздней империи (глава 4, с. 383–418). Большое значение имеет изучение

Д. Н. Старостиным протоколов королевского суда (называемых в современной науке *placita*) в качестве источника для анализа правовых полномочий короля.

Как показывают протоколы судебных заседаний королевского суда, в значительной степени повторяющие по форме императорские рескрипты, король выступал в качестве верховного арбитра в сложных с точки зрения права случаях, когда требовалось найти согласие между конфликтующими сторонами. Епископы и аббаты не менее активно выступали в суде, чем знать и магнаты, а различие между церковной и светской иерархией в раннем Средневековье не имело большого значения. Примечательно, что в королевском суде монастырь Сен-Дени не обладал никакими привилегиями по сравнению с другими монастырями.

Итак, в книге Д. Н. Старостина впервые проведено исследование нарративных источников меровингской эпохи, агиографических сочинений и королевской документации как единого комплекса, каждый из элементов которого дополняет или уточняет свидетельства другого. Успехом исследователя можно считать то, что благодаря многостороннему подходу удалось выявить в сообщениях Григория Турского, одного из важнейших историков раннего Средневековья, пассажи, отражающие не реальное положение дел в королевстве франков, а являющиеся, по-видимому, литературными образами, созданными автором в рамках собственной концепции истории.

Д. Н. Старостин весьма убедительно показал, что структура администрации раннесредневековой Галлии в правление Меровингов складывалась из возникшего еще внутри поздней Римской империи особого политического, культурного и религиозного образования в северных провинциях Галлии, в котором сначала римский военачальник, а затем и представитель военной элиты союзных римлянам франков получил полноту не только военной, но и гражданской власти. Процесс формирования власти Меровингов заключался в постепенной

и сложной адаптации отдельных властных структур (королей, магнатов, епископов, аббатов) и отдельных этносов друг к другу с опорой на позднеантичные системы администрирования.

Выполняя долг рецензента, позволим себе высказать ряд соображений критического характера.

По своему жанру книга Д. Н. Старостина ближе всего стоит к диссертационному исследованию. В общепринятых традициях и терминах этого жанра в работе отмечена актуальность и научная новизна, обоснованность исследования, неоднократно излагаются задачи и выводы, внимание сосредоточено на раскрытии конкретной темы, учитываются и рассматриваются разные взгляды на проблему.

Публикацию диссертаций и работ, выполненных в жанре диссертации, следует всячески приветствовать, потому что она дает возможность большому числу специалистов ознакомиться с результатами новейших отечественных исследований. В то же время отсутствие хотя бы краткой исторической преамбулы, характерной для жанра научной монографии, рассчитанной не только на специалистов-медиевистов, но и на читателей других гуманитарных специальностей, в некоторой степени сужает круг потенциальной целевой аудитории.

Небольшое историческое введение, излагающее основные события истории Галлии в V–VIII вв., которое бы вводило читателя в курс дела и напоминало специфику исторической обстановки эпохи, украсило бы книгу и расширило ее аудиторию. В противном случае читатель, даже неплохо знакомый с особенностями данного периода, вынужден при чтении книги обращаться к разного рода справочникам.

В диссертационном исследовании допустимы повторения отдельных наиболее значимых наблюдений. В книге же, предназначенной для публикации, повторы не всегда уместны.

Стоит обратить внимание на то, что как минимум 20% книги Д. Н. Старостина составляют повторы. *Дословно* повторяются целые абзацы, занимающие порой половину страницы⁴; неред-

4. См., например: с. 43 и 98; 46 и 136–137; 53–54 и 99; 56 и 98; 80 и 100; 79 и 100; 96 и 101; 97 и 421; 40 и 134; 42 и 134; 46 и 136; 46 и 137; 147 и 150; 178 и 212–213; 188 и 305; 189 и 305; 196 и 305; 284 и 424; 311 и 424; 421 и 430.

ко повторы встречаются в пределах одной-двух страниц⁵; некоторые абзацы повторяются трижды⁶; многократно дублируется одна и та же мысль.

Думается, что столь большое число повторений вряд ли полезно даже в дидактических целях. В целом повествование в книге Д. Н. Старостина построено в русле единой логики, по принципу последовательного раскрытия отдельных аспектов избранной темы. Но длинноты, рожденные многочисленными дословными повторами, затрудняют чтение, ломают ход мысли и создают впечатление не цельного исследования, а собрания отдельных экскурсов или статей. Буквальные воспроизведения формулировок основной части работы в выводах трудно назвать удачным решением автора книги.

Мы бы предложили при повторном издании книги провести редакторскую правку.

Для книги столь большого объема (488 страниц), насыщенной фактами, именами, датами, ссылками на античных и средневековых авторов наличие указателя является принципиально важным. В данном случае как нельзя более уместно вспомнить известные слова Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа.

Отсутствие указателей (а также карт и генеалогических таблиц) лишает читателей возможности обратиться к книге за справкой. Это весьма печально потому, что, на наш взгляд, эта книга, содержащая огромный объем фактического материала, снабженного квалифицированным научным анализом и ссылками на источники, была бы в высшей степени полезна представителям самых разных специальностей в качестве справочного издания⁷.

Выстраивая работу на анализе источников, написанных на латинском языке, Д. Н. Старостин в большинстве случаев приводит общепринятые опубликованные переводы этих источников на русский язык. Не обошлось, однако, без курьезов.

Так, например, в книге цитируется следующее рассуждение Беата Ренана об этнической принадлежности франков:

5. См., например: с. 79 и 80; с. 167; с. 211; 249 и 250; с. 429.

6. См., например: с. 43, 98 и 134.

7. Ср., например, прекрасный справочный аппарат в упомянутом выше издании «Хроник» Фредегара (с. 421–431).

Constat praeterea puros putos Germanos fuisse. quod alio loco magis confirmabitur, ubi de lingua Francorum disputabimus.

Этот пассаж буквально означает:

Кроме того известно, что они были чистейшими германцами. Это лучше будет обосновано в другом месте, когда мы будем говорить о языке франков.

В книге Д. Н. Старостина предлагается такой перевод:

Скорее всего, их можно считать чистыми германцами. Многими подтверждается также и другое место обитания франков, что известно из изучения распространения языков (с. 104).

Данный перевод вызывает недоумение и совершенно искажает высказанную Беатом Ренаном мысль.

Следующая часть этого пассажа тоже переведена небрежно:

Isti vero Barbari nobilissimum in Galliis regnum constituerunt, quae perpetua Germanorum laus est, multisque seculis tenuerunt, donec paulatim absorberentur. At inter Gallos hodie ut quisque procerum plus Francici sanguinis a maioribus suis habet, ita regno sit propior.

Эти варвары создали самое достойное государство в Галлии, которое достойно постоянного восхваления от Германии, которое они держали многие столетия и жителями которого они потом стали. И сегодня среди жителей Галлии франки считаются знатнейшими, как это и есть сейчас (с. 104).

Действительный перевод таков:

И эти варвары основали в Галлиях самое известное королевство, что может служить вечной славой германцев, и сохраняли власть в течение многих столетий, пока постепенно не ассимилировались. Но и поныне среди населения Галлии чем больше франкской крови знатный человек имеет, тем ближе он стоит к королевской власти.

Неточный перевод меняет акценты в передаче взглядов знаменитого гуманиста.

Цитата из сочинения Ф. Отмана дана не только с опечаткой, но и с неверным переводом:

Neque enim Francorum regibus coma carere licet, sed a pueris intonsi *permanent* et profusum capillitium, atque in tergum reiectum habent (с. 105, сн. 3).

Буквальный перевод:

Ибо франкским королям не позволено быть лишенными волос, и они с детства остаются неостриженными и носят длинные волосы, закидывая их за спину.

Д. Н. Старостин предлагает такой вариант перевода:

Не то чтобы франкским королям надо было заботиться постоянно о волосах, ведь они с детства оставались неостриженными и имели значительную прическу, спадавшую на спину (с. 104, сн. 3).

Ключевая для четвертой главы книги Д. Н. Старостина цитата из Дигест сопровождается ошибкой и неточным переводом:

Pactum autem a pactione dicitur (inde etiam pacis nomen appellatum est) et est pactio duorum plurimumque in idem placitum <et> consensus (Dig. II 14, 1, 2).

Термин *placitum* произошел от термина договор или примирение (*pactio*), откуда идет и сам термин мир (*pacis*), т.е. примирение или договор двух или более лиц, при котором возникает состояние публичного согласия (*placitum*) при их личном согласии (с. 393, сн. 37).

Д. Н. Старостин не обратил внимания на то, что в данном месте Дигест дается дефиниция термина *pactum*, а не *placitum*, как это заявлено в приведенном выше переводе и в комментарии к нему (с. 393, сн. 37).

На самом деле эта цитата из четвертой книги «Комментариев к эдикту» Ульпиана открывает титул «О соглашениях» и означает следующее:

Слово *pactum* (соглашение) происходит от *pactio* , отсюда происходит и слово *pax* (мир). Соглашение – это совпадение желаний двух или нескольких лиц об одном и том же и их согласие.

В римском юридическом языке термины *pactum* и *pactio* одинаково означают «соглашение». Слово *placitum* , употребленное Ульпианом в объяснении понятия «соглашение», является не термином, а общеупотребительным словом, которое может быть переведено как «желание». Поэтому неудивительно, что слово *placitum* не обсуждается М. Казером и отсутствует в индексе его фундаментального труда, посвященного римскому частному праву. Такого термина в римском праве не было.

К невнимательности автора рецензируемой книги нужно отнести также и регулярно употребляемое в ней сокращение латинского названия «Истории» Григория Турского в нелатинской форме: *Greg. Tour. Hist.* (см. Список сокращений, с. 434 и *passim*).

Впрочем, в объемном и масштабном исследовании отдельные небольшие погрешности неизбежны. Отмеченные нами моменты не снижают высокой научной ценности книги Д. Н. Старостина. Выход в свет серьезной и во многих отношениях новаторской научной работы, посвященной пробле-

мам становления раннесредневекового общества,
безусловно является значимым событием
в отечественной науке.